

ЧАСТЬ I

ГАМБУРГ, 1886 ГОД

ПРОЛОГ

Глаза женщины лихорадочно блестели. В рваном, испачканном сажей платье, обливаясь потом, она прокладывала себе дорогу сквозь толпу. Одной рукой она тащила за собой хнычущую девочку, другой прижимала к груди младенца.

Первым её увидел Альфред Карстен. В поисках дочери он оглядывал собравшихся, надеясь различить рыжие волосы Лили среди дамских шляпок и мужских цилиндров. Поймав на себе взгляд незнакомки, он вздрогнул. По тому, как неотрывно глядели на него эти пылающие глаза, Альфред понял, против кого был направлен гнев их обладательницы. Он замешкался на мгновение, гадая, что ей от него нужно. Было ясно, что она не принадлежала к числу приглашенных. Она явилась сюда прямо из трущоб, неся на себе печать нищеты и страданий, и не он один их почувствовал — гости провожали незнакомку встревоженными взглядами, а те из них, кто вовремя успевал заметить ее приближение, отшатывались. Окончательно сделав вывод, что женщина оказалась здесь, среди избранного общества, случайно, он уже собирался распорядиться, чтобы ее выпроводили без лишнего шума. Но тут незнакомка толкнула оказавшуюся у нее на пути даму в фиолетовом платье с турнюром. Та ахнула и едва не уронила свой зонтик от солнца, и Альфред понял, что действовать нужно более решительно. Незнакомка осмелилась задеть одну из самых уважаемых дам в Гамбурге. Этого было достаточно, чтобы отправить кого угодно в исправительный дом без суда и следствия. То, что незваная гостя подвергла себя такой опасности, явно не отдавая себе в этом отчета, показало ему, что с ней что-

то неладно. Она казалась больной, чуть ли не одержимой. И по-прежнему не сводила с него глаз.

По телу Альфреда пробежала легкая дрожь. Инстинктивно он шагнул вперед, загоразвивая собой супругу, Зильту, ответившую ему растерянным взглядом, а затем кивнул Францу. Его сыну понадобилось несколько секунд, чтобы оценить положение. Не теряя своей обычной невозмутимости, он отдал короткий приказ портовым рабочим, которых на время праздника выстроили вдоль помоста для охраны порядка, где они и стояли теперь, сложив руки за спиной и глядя прямо перед собой. По первому знаку хозяина трое из них вышли из строя и двинулись навстречу женщине. Однако прежде, чем им удалось схватить незваную гостью, она выкрикнула:

— Карстен! Мой муж сошел с твоего корабля калекой. Семь-ро детей остались без отца! Мы все помрем в нищете! Он десять лет проработал на твою судоходную компанию, а теперь его гонят прочь, как шелудивого пса!

Рабочий обхватил женщину поперек талии и попытался оттащить ее, пока другие оттесняли толпу. Незнакомка отчаянно сопротивлялась: выпустив руку дочери и едва не уронив младенца, она царапалась и громко вопила, пытаясь укусить того, кто ее удерживал. Мужчине, однако, не составило труда взять над ней верх: он грубо схватил женщину за волосы и вывернул ей свободную руку, пресекая дальнейшие попытки вырваться. Оказавшись в безвыходном положении, знакомка внезапно сменила тон — ее крик превратился в отчаянную мольбу.

— О боже, боже! Как нам теперь жить? — причитала она. — Мужу нужно где-то работать! Мои дети умрут с голоду!

Словно в подтверждение ее слов, обе крошки громко заплакали.

— Уберите же её отсюда! — рявкнул Франц, одновременно улыбаясь гостям, чтобы их успокоить, а затем кивнул ещё одному рабочему, который уже спешил на помощь остальным. Недолго думая, последний сгреб девочку в охапку и, перекинув ее через плечо, понес прочь. Следом увели женщину, крепко держа ее за руки с двух сторон. Вскоре отчаянные крики знакомки и плач детей растворились в возбужденном шуме толпы.

Вынув платок из нагрудного кармана, Альфред украдкой вытер лоб. Все могло закончиться иначе. Хорошо, что в такие мо-

менты рядом всегда был Франц, который не проявлял излишней щепетильности, когда нужно было прибегнуть к грубой силе. Альфред улыбнулся обступившим его гостям, показывая, что все в порядке. Многие из них казались взволнованными, однако он знал, что произошедшее не стало ни для кого потрясением. Всякий хоть однажды оказывался в подобном положении, а потому его не будут винить в случившемся. И все же ему внезапно подумалось, что женщина была не так уж неправа. Ей в самом деле грозит голодная смерть, как и ее детям. Младенец уже теперь был больше похож на мертвого, чем на живого. Если отец не сможет их прокормить, ей ничего не останется, кроме как отправить старших детей просить милостыню, хотя какая милостыня прокормит девять голодных ртов? Да, все они жили в жестоком мире, но мир этот не был его творением. Может, Альфреду следует теперь содержать всех больных и увечных? Он даже фыркнул, до того нелепой показалась ему эта мысль. Верное разорение! Напрасно было ждать от него справедливого решения. Женщине, как всем ей подобным, придется покориться судьбе.

И все же... Что-то в маленькой девочке, цеплявшейся за юбку матери, не давало ему покоя. Она странным образом напоминала ему Лили — тот же робкий, но любопытный взгляд, смешные веснушки на носу... Он встряхнул головой, словно призывая себя к порядку, а затем, подчинившись внезапному порыву, повернулся к сыну и прошептал ему на ухо:

— Прикажи, чтобы этой женщине выплатили пятьдесят марок компенсации от моего имени.

Франц почти не изменился в лице, но взгляд, которым он смерил отца, был полон недоверчивого изумления.

— Ты с ума сошел, — буркнул сын.

— Просто сделай, как я прошу, — твердо сказал Альфред, не желая обсуждать свое решение, и хотел отвернуться, когда Франц бесцеремонно схватил его за рукав:

— Если мы дадим ей что-нибудь, сюда мигом прибегут другие! Альфред заколебался. Это был веский довод.

— Хорошо. Она получит деньги только в том случае, если пообещает никому не рассказывать, откуда они взялись. Если же объявится еще кто-то и станет ссылаться на нее, я потребую немедленного возврата. Это заставит ее держать рот на замке.

Франц не уступал:

— Отец, это совершенное безумие...

— Будь добр, сделай, как я сказал! — отрезал Альфред тоном, не допускающим возражений. Он отдавал себе отчет в том, что в обозримом будущем Франц унаследует предприятие, а вместе с ним — дело всей его жизни. Однако право принятия решения Альфред пока оставлял за собой.

Франц бросил на отца хмурый взгляд и скрепя сердце отвернулся, чтобы передать его распоряжение.

Альфред тихо вздохнул и перевел взгляд на «Титанию». Это был прекрасный корабль, которым по праву можно было гордиться — изготовленный по лучшим стандартам и вместе с тем оснащенный по последнему слову техники. Его спустили на воду еще в Ливерпуле, где находилось производство, но крещение должно было состояться здесь, в водах Гамбурга, как велит обычай.

Уже были подняты паруса, в небо взвился флаг Карстенов в сине-белую полоску, а на носу корабля красовался большой венок из цветов. Все было готово. Оставалась только одна проблема: не хватало крестной. Без нее нельзя было начинать церемонию. Альфред бросил нервный взгляд на карманные часы. Она давно должна была прийти.

Где же Лили?

ГЛАВА I

Рука Лили неподвижно лежала на листе бумаги. Капелька чернил соскользнула с ее пера и образовала на нем синюю слезу, которая расплывалась по краям — там, где волокна бумаги касались поверхности капли. Но Лили этого не видела. Она смотрела прямо перед собой, задумчиво наморщив лоб, отчего на переносице возникла маленькая складка, которую ее мать всегда ласково называла «морщиной мыслителя».

Воздух над Гамбургом сиял, небо представлялось бесконечным голубым океаном. Жара нависла над городом неподвижным куполом. Даже река Альстер, которую Лили, сидевшая за письменным столом, могла видеть из окна, не переливалась, как обычно, мелкой рябью, складывавшейся в причудливые узоры.

Оттенки воды в реке, запах вьющихся роз, что карабкались по наружной стене, странная тишина, царящая над городом, — все это пробудило в Лили странное, почти болезненное чувство, отзывавшееся тяжестью в груди. Это чувство уже было ей знакомо. Оно охватывало ее в жаркие дни, когда повсюду была разлита летняя нега, а в полную силу входило по вечерам, когда они с матерью и Михелем сидели на террасе, читая друг другу вслух. Вот уже несколько минут она искала верное слово, чтобы описать это чувство. Слово «томление» она уже перечеркнула — оно здесь не подходило. Та же судьба постигла и «меланхолию» — это понятие было близко к тому, которое она пыталась описать, но не отражало чувство во всей его полноте, ей же хотелось найти идеальное слово. «Если в нескольких точных фразах вы способны выразить то, что чувствуете, тогда вы в самом деле умеете писать!» — всегда говорила фрау Финке, ее старая учительница. И Лили твердо усвоила это правило — только сейчас следовать ему ей никак не удавалось.

Она написала «предчувствие» и, нахмурившись, взглянула на буквы, слегка наклоненные вправо. Не совсем точно, но что-то в этом есть: в такие дни она и впрямь будто ждала чего-то — казалось, сам ветер нашептывал ей о грядущем. Но и это слово в конечном счете было отвергнуто твердым росчерком пера. Она не могла остановиться на полуправде, ей нужна была точность. Когда через несколько недель она, просматривая бумаги, наткнулась на эту запись, ее пробрала дрожь. Последующие события придали слову «предчувствие» совершенно иной смысл.

Но в ту минуту оно описывало лишь радостное предвкушение долгого, жаркого лета, которое она хотела посвятить прежде всего сочинительству. Чтению и письму. И танцам. И поцелуям. Не обязательно в таком порядке — здесь все зависело от Генри — всегда такого вежливого, настолько озабоченного соблюдением правил, будто от этого зависела вся его жизнь. Официально они могли встречаться только в присутствии взрослых, и вместо того, чтобы попытаться обойти этот запрет и слегка опередить события, что было бы вполне ожидаемо, Генри строго придерживался принятого порядка. Иногда она сердилась, что он прилагал так мало усилий, чтобы ее завоевать. Да, они уже были обещаны друг другу и даже официально помолвлены. Но это вовсе не означало, что те-

перь он мог прекратить всякое ухаживание — как же ей тогда чувствовать себя красивой и желанной? «Ты уже принимаешь меня как должное», — как-то упрекнула его она, а он, казалось, искренне обеспокоился этим и пообещал исправиться.

Подтверждая это похвальное намерение, он преподнес ей на следующий день конфеты и стихотворение. Уже недурно — во всяком случае, было чем похвастаться в университете. Пусть даже стихотворение Генри сочинил не сам, а переписал из сборника Брентано, чья поэзия казалась ей, впрочем, слишком приторной и беззаботной. Ей хотелось волнующих поцелуев в холле и романтических ночных свиданий, куда она сбегала бы из дому — как в тех книгах, которые ей тайком одолжила Берта и которые теперь стояли у нее на полке, надежно скрытые солидными томами Гете. Но от Генри подобного не стоило ожидать. И все же — при мысли о том, что она увидит его во время сегодняшней церемонии, она улыбнулась. Влюблена она была, в этом не стоило сомневаться. Он хотел зайти за ней сегодня, но, будучи студентом-медиком, не смог вырваться — близились выпускные экзамены, и он был очень занят. Не страшно, она поедет с Францем. Родители уже два часа как уехали — перед церемонией они давали прием в Альстерских аркадах. Лили, находя приемы ужасно скучными, не захотела к ним присоединиться. Вспомнив о крещении корабля, она вдруг осознала, что засиделась в своей комнате. Пора было собираться.

В доме стояла духота, сильно пахло коврами и старым деревом, и Лили догадывалась, что во время церемонии, когда, вероятнее всего, будет ярко светить солнце, станет очень жарко. Поэтому она решила не прибегать к пудре, которая, как она предвидела, только расплывется на лице. Да и времени уже не было. Бросив испуганный взгляд на напольные часы в коридоре, она поспешила к комоду. Хорошо, что утром Зеда успела уложить ей волосы. Лишь несколько рыжих локонов выбилось из замысловатой прически, и их пришлось поправлять — напрасный труд, ведь стоило Лили пошевелиться, они вновь упали на лоб. Ее новое платье, накрахмаленное и благоухающее, висело в шкафу. Лили окинула его недовольным взглядом. В белом она казалась бледной и призрачной, будто терялась в ткани. Но на этом цвете настаивал отец: «Крестная должна выглядеть как можно более

юной и невинной, а что подчеркнет эти качества лучше, чем белое кружевное платье?»

Она поспешно выскользнула из домашнего халата и дернула за сонетку, висевшую около кровати.

— Зеда, я опаздываю! — крикнула она в коридор, надеясь, что горничная услышала ее и уже спешит на зов, но на всякий случай в придачу позвонила в колокольчик. Лили только сейчас поняла, как сильно опаздывает. Франц будет здесь с минуты на минуту, а она не готова даже наполовину.

В одной сорочке она села перед зеркалом, зачерпнула немного румян и спешно прошла по щекам. «Ох, слишком много зачерпнула!» Теперь она выглядела так, словно у нее жар. Она обмакнула полотенце в миску с водой и провела им по щекам. Не помогло — теперь румяна приклеились к лицу влажными полосками. Перевернув полотенце, она принялась ожесточенно оттирать краску сухим концом.

Когда Лили закончила битву с румянами, мелкие завитки волос, обрамлявшие лицо, встали дыбом, словно наэлектризованные, а щеки лихорадочно пылали.

— Хорошо, что сегодня мне хотя бы не придется выступить перед доброй сотней гостей, — сказала она своему отражению в зеркале, состроив гримаску. — Или... Неужели сегодня?

Со вздохом она отбросила полотенце. Как так вышло, у нее же было столько времени на подготовку. Все утро! Вот так всегда — стоило ей сесть за письменный стол, как мысли начинали превращаться в слова, слова в предложения, а предложения — в персонажей и истории. При этом время вело себя так, как ему заблагорассудится: оно размывалось, теряло контуры, выходило из берегов. А когда Лили поднимала взгляд на часы, думая, что прошло всего несколько минут, времени уже ни на что не оставалось.

Ее взгляд упал на новую шляпу, и девушка в задумчивости прикусила губу. Отец строго-настрога запретил ее надевать: «В любой другой день, только не на церемонию крещения корабля!» Лили знала, что он говорил всерьез. Надеть такую шляпу в самом деле было бы слишком смело. Большая, темно-зеленая, с огромным пером, покачивающимся на ветру, и широкой лентой в мелкий горошек, она сразу привлекала внимание своей экстра-

вагантностью и была сделана по последней моде, которая не нравилась ее консервативному отцу вне зависимости от того, какие формы принимала. Но Лили любила эту шляпу. Вдобавок она давала хоть какую-то тень. Пока Лили размышляла, хватит ли у нее смелости нарушить отцовский приказ, в комнату вошла Зеда.

— Снова опаздываем? — спросила она, взяв корсет, лежавший на кровати.

— Еще как! — Лили сбросила сорочку, подняла руки и встала перед Зедой, чтобы та помогла ей одеться. Корсет, как и платье, соответствовал последним веяниям. Он был длинным, утягивал живот и подчеркивал бедра, грудь и ягодицы. Даже когда Зеда, как сейчас, просто держала в руках это хитрое приспособление, оно казалось устрашающе узким и неудобным. Лили уже надевала корсет однажды, и в тот раз ей уже через несколько минут пришлось прибегнуть к помощи Зеды, чтобы вырваться из тесной шнуровки, в которой она чувствовала себя, как в клетке. Неясно, как она выдержит в нем целый день, да еще в такую жару. “Нужно обязательно взять с собой флакон с нюхательной солью, чтобы не свалиться со сцены на головы собравшимся”, — предсмотрительно решила она.

— Красота требует жертв! — заметила Зеда, увидев в зеркале ее страдающее лицо, и ободряюще ей улыбнулась.

Лили кивнула и, сжав губы, ухватилась за столбик кровати. Горничная изо всех сил потянула за шнурки, которые прижимали к телу девушки стальные пластины корсета, создавая желанный эффект осиной талии. Лили вздрагивала с каждым рывком, ощущая, как сжимаются ее внутренности. В животе теперь у нее словно образовался тяжелый камень.

Достав сантиметр, Зеда с сосредоточенным видом измерила талию Лили.

— Пятьдесят три сантиметра! — объявила она и удовлетворенно кивнула.

— В таком виде ты могла бы недурно зарабатывать в темных переулках! — раздался голос позади нее.

Лили обернулась. На пороге стоял Франц, глядевший на нее с чем-то, неприятно похожим на презрение. Тотчас щеки Зеды покрылись густым румянцем, и она застенчиво опустила глаза. Лили знала, что горничная считала ее старшего брата весьма привлека-

тельным и даже была в него немного влюблена. Однако Франц, как всегда, сделал вид, что прислуги вообще нет в комнате.

— Ты, как всегда, очарователен! — фыркнула Лили в ответ, и уголки его губ насмешливо дрогнули.

— Лошадей уже запрягли. Нам пора.

— Ты что, не видишь, я еще не готова!

— У тебя был на это целый день.

— Да, и он еще не прошел. Без меня все равно не начнут. —

Как всегда, когда она разговаривала с Францем, в ее голосе сквозило насмешливое раздражение.

Брат повернулся и бросил взгляд на часы в холле.

— Тебе непременно нужно заставлять целое общество себя дожидаться? Это так на тебя похоже! Наверное, вся Земля вращается вокруг Лили Карстен! — сказал он, подняв брови. — Даю тебе пять минут. Лошади ждут. Там жарко. — Бросив еще один пренебрежительный взгляд на ее выпирающую из корсета грудь, он вышел.

В сердцах Лили бросила ему вслед ругательство, заставившее Зеду вздрогнуть от изумления.

— Как будто его волнуют лошади! Он просто хочет, чтобы я опозорилась перед всеми.

Пять минут! Ей ничем не успеть. Нужно было еще надеть платье и поправить прическу.

— Он не посмеет... — пробормотала она, прекрасно зная, что еще как посмеет. Он даже, пожалуй, будет рад уехать без нее и скомпрометировать ее в глазах света. Мгновение она лихорадочно соображала, что предпринять.

— Зеда, живо спустись вниз и скажи Агнес, чтобы Тони закладывал коляску. Франц уедет без меня, я точно знаю!

Зеда тут же бросила сантиметр и поспешила к двери. Оставшись в одиночестве, Лили какое-то время размышляла, с какими из оставшихся дамских хитростей она справится без посторонней помощи, и наконец поспешила к зеркалу, чтобы привести в порядок прическу. Однако ей сразу же стало ясно, что здесь все безнадежно. Слишком высокой была влажность — непослушные локоны торчали во все стороны. Ощущая острое разочарование, Лили бросила шпильки обратно в коробочку и в тот же миг услышала через открытое окно стук лошадиных копыт по гравию.

— Что?! И пяти минут не подождал! — возмутилась она и выбежала на балкон. Она успела увидеть лишь цилиндр Франца и его ухмылку, когда он высунулся из окна кареты, удалявшейся по направлению к Бельвю, чтобы помахать сестре на прощание. Лили сердито пнула перила и тут же отскочила назад — нога отозвалась резкой болью.

— Сволочь! — крикнула она вслед брату, но коляска уже скрылась за деревьями.

Обратно в комнату ей пришлось добираться, прыгая на одной ноге.

— Зеда! Где ты? — отчаянно позвала Лили. Вот теперь ей действительно, по-настоящему нужно было спешить.

Пятнадцать минут спустя Лили Карстен бежала вниз по парадной лестнице. Ей так и не удалось избавиться от яркого искусственного румянца, зато наряд был безупречен, хотя белое платье грозило лопнуть на талии при первом неосторожном движении. Когда девушка остановилась, чтобы бросить на себя последний взгляд в зеркало, висящее над камином, к ней с обеспокоенным видом подошла Агнес, верная экономка семейства Карстен.

— Ох, Лили. У нас проблема! — начала было она, но неожиданно запнулась. — Я думала... твой отец запретил... зеленую шляпу. — Как всегда, когда они оставались наедине, Агнес обращалась к Лили на «ты».

— Да-да, я знаю, но другого выхода не было! Нужно было чем-то прикрыть прическу. — Решив в последнюю секунду взбунтоваться, Лили успела об этом пожалеть и энергично махнула рукой, чтобы Агнес не отнимала у нее остатки былой уверенности.

— Что случилось?

— Лошадь охромела, — с траурной миной объявила экономка. — Тони только что заметил. Поехать на ней не получится.

— Как же так? — Лили с ужасом посмотрела на Агнес. Перед глазами словно заплясали мушки, и ей пришлось на мгновение ухватиться за перила, чтобы не потерять равновесие. «Это все корсет», — подумала она, вдыхая и выдыхая так глубоко, как только могла. (А может быть, мысль о гостях из высших кругов общества, которые с нетерпением ждут ее под палящим солнцем.)

— Этого не может быть! — наконец простонала Лили.

Агнес в отчаянии всплеснула руками. Как всегда, когда она расстраивалась, она походила на нахохлившуюся курицу.

— Что же нам теперь делать? — только и смогла пролепетать экономка.

Лили сделала глубокий вдох и поспешила к выходу.

Снаружи, на круговой подъездной дорожке, дожидалась коляска, которую использовал ее отец, когда выезжал один. Перед коляской, фыркая, стоял Сильвер, черный жеребец, купленный прошлой осенью. Тони, наклонившись, осматривал его переднее копыто.

— Что с ним? — спросила Лили, которой из-за наряда пришлось перевести дыхание уже после пары шагов.

— Здравствуйте, фройляйн Лили! — Тони приподнял фуражку, не выпуская из второй руки копыта. — Не знаю, распухла лодыжка. Ехать на нем нельзя.

— Тогда найди другую лошадь, и как можно быстрее!

Девушка вытерла лоб — было так жарко, что она успела взмокнуть.

— Я и так безбожно опаздываю! — воскликнула она в отчаянии.

Тони кивнул, нахмутив брови:

— Я уже распорядился, но это займет некоторое время.

Лили знала, что он прав. Нужно было распрячь Сильвера, запрячь новую лошадь, которую еще только предстояло раздобыть, и кто знает, может быть, ее вдобавок придется мыть, чистить копыта и так далее.

— На это нет времени!

Смотритель конюшни беспомощно развел руками. Агнес, нагнавшая Лили, нервно мяла передник.

— Что же нам делать? — пролепетала она. Лицо экономки под строгим чепцом пошло жгучими красными пятнами. — Если ты не появишься на церемонии вовремя, это будет катастрофа!

— Я знаю! — простонала Лили, с мольбой оглядываясь по сторонам, словно ожидая, что на подъездной дорожке волшебным образом материализуется пролетка.

— Чертов Франц, надо же было ему меня бросить!

Она топнула ногой, как маленький ребенок, и уже готова была в отчаянии рвать на себе волосы. Но вдруг взгляд ее наткнулся на блестящий предмет у стены, рядом с входной дверью.

То был новый велосипед Франца.

Лили нахмурилась. В голову ее закралась мысль — совершенно нелепая и абсурдная. Неужели она осмелится? Нет, это было совершенно неприлично. Или нет? Попадались же ей фотографии женщин на велосипедах — значит, ничего невозможного в этом не было. Но то были велогонки, спортивные соревнования, и они проходили в Бельгии или во Франции. Не в Гамбурге. И не в таком платье, как у нее, это было бы чистым безумием. Она умела ездить на велосипеде — в свое время уламывала Франца до тех пор, пока тот нехотя не согласился ее поучить. Его старый «пенни-фартинг» она так и не освоила до конца. Однако сейчас перед ней была новая модель, с колесами одинакового размера, легкая в управлении даже для кого-то вроде нее — Лили уже проверила ее в действии. Кататься на новом велосипеде брата было очень приятно — она вспомнила ощущение ветра в волосах, стук колес по гравию, то, как Михель, смеясь, прыгал вокруг нее и пытался ее поймать. Тогда она чувствовала себя по-настоящему свободной. Будто могла просто выехать, промчаться по Бельгию и исчезнуть, не оставив следа. Ей казалось, что куда бы она ни вздумала отправиться, ноги домчат ее в мгновение ока. Она страшно завидовала старшему брату, который в отличие от нее мог ездить на велосипеде по городу. Доставленный из Англии по специальному заказу, велосипед стоил Францу целых триста марок. «Если ты оставишь на нем хоть одну крошечную царапину, лучше потом не попадайся мне на глаза!» — пригрозил ей брат, и она знала, что он говорит всерьез.

Но она и не собиралась портить велосипед. Ездить на нем было легко, стоило только освоиться. Правда, подол платья то и дело грозил за что-нибудь зацепиться. Но если одной рукой придерживать платье, а другой держаться за руль... Она взглянула на беспомощные лица Агнес и Тони.

— Я отправлю мальчика на рыночную площадь, пусть он наймет пролетку, — предложила Агнес, но Лили только отмахнулась.

— К тому времени, как он вернется, церемония уже закончится!

Она помедлила мгновение, а затем решительно направилась к велосипеду. Лошади ненамного быстрее, а на велосипеде к тому же можно выехать прямо сейчас. Главное, чтобы гости ее не увидели. Иначе скандала не избежать.

Чувствуя невероятный прилив уверенности, Альфред Карстен расточал улыбки окружающим. На торжество явились все, первый и второй мэры Гамбурга Петерсен и Кирхенпауэр, городской совет, а также Герхард Вебер и Йенс Боргер, его основные инвесторы. Затем он заметил, как желтые волосы Людвига Олкерта вспыхнули в солнечном свете.

То, что Олкерт тоже пришел, озадачило его. Олкерту принадлежал Розенгоф, первый и пока единственный конторский дом в Гамбурге и — если верить владельцу — самый современный в мире. С начала года у судоходной компании Карстенов также была своя контора в этом доме. Несмотря на это, отношения между старшим Карстеном и Олкертом были, мягко говоря, прохладными. Альфред просто не нашел общего языка с этим человеком. Тем не менее он по достоинству оценил тот факт, что Олкерт сегодня оставил свои дела, чтобы поддержать Карстенов. Конечно, это было сделано не без задней мысли, и Альфред это прекрасно понимал. Тем не менее, это был благородный жест.

Карстен огляделся. Половина жителей Бельвю и большая часть Эльбхаузее были в сборе — и все они великолепно потели в своих модных платьях и костюмах. Гамбург, казалось, превратился в раскаленный котел. Дамы обмахивались веерами, а господа украдкой вытирали струйки пота с висков. Мало-помалу Альфред Карстен стал ощущать беспокойство. Скоро какая-нибудь из дам больше не сможет выносить тесноту своего корсета и жару. У супруги Герхарда Вебера уже был мученический вид, она недовольно морщила нос. В порту никогда не пахло особенно приятно, но сегодня воздух, казалось, спрессовал все нездоровые испарения города в одну ужасную вонь, которая висела в воздухе, как мутная завеса, и Альфреду сделалось не по себе. Он не мог больше заставлять людей ждать. Если Лили не соизволит явиться, ему нужно найти кого-то другого. Зильта не могла ее за-